

Часть I

Глава 1

Станция Дно зияла не августовской, а какой-то осенней тьмой.

Даже не верилось, что вечером, когда Глаша садилась в поезд, перрон во Пскове был пронизан солнцем, и рельсы сверкали весело, и золотые шары у ближних к городу дачных платформ так полны были покоем, что клонились цветочными своими головами к обветшалым дощатым заборам.

Но, конечно, дело лишь в том, что вечером, уже в темноте, пошел дождь. Да, только в этом. Из-за этого так уныло, так безнадежно выглядят теперь станционные постройки, рельсы, фонари. И даже цветы в палисаднике у вокзала — все те же золотые шары — вздрагивают под дождем не покойно уже, а понуро и беззащитно.

Глаша смотрела в окно вагона и очень понимала императора Николая Александровича. Не то что от престола отречешься на этой станции Дно — от жизни потянет отречься, пожалуй!

Она любила дорогу из Пскова в Москву, и даже не дорогу саму — что уж тут любить, рельсы, что

ли? — а скорую перемену жизни, с которой эта дорога всегда была связана.

Ну да, впрочем, кто же не любит перемен и кто же не связывает их с дальней дорогой? Глаша и в этом смысле представляла собою вполне усредненный человеческий тип.

Думать об этом было не очень-то приятно. Поэтому она поскорее отогнала от себя подобные мысли. Тем более что и поезд наконец тронулся с места — поплыли мимо вагоны товарного состава, стоящего на соседнем пути.

Иллюзия длилась всего несколько секунд. Потом Глаша поняла: не ее поезд тронулся, а наоборот — товарняк. Это его вагоны и цистерны плывут мимо, набирая скорость, а Глашин поезд стоит на месте, и дождевые капли ползут по его оконным стеклам все так же неторопливо, и ветер их не уносит.

«Вот так и моя жизнь, — с той отчетливостью, с которой всегда являются в голову пошлейшие умозаключения, подумала она. — Я сижу в неподвижном поезде, мимо идут вагоны, прицепленные к локомотиву, и оттого у меня иллюзия, будто это я еду».

Ей стало так противно, что хоть накройся с головой одеялом да и рыдай в подушку. Ну с таким ли настроением отправляются в отпуск, да еще куда — к морю, на испанское побережье! Стыдно вам должно быть, Глафира Сергеевна!

Слова эти прозвучали в голове так, словно их проговорила музейная уборщица Наталья Петров-

на. Глаша не могла припомнить, когда бы это Наталья Петровна ее стыдила, но голос почему-то слышался именно ее. Наверное, потому что Наталья Петровна всегда держалась строго и губы у нее всегда были недовольно поджаты.

Как бы там ни было, а заснуть с такими мыслями нечего было и надеяться. Тем более что сосед на верхней полке храпел нестерпимо, и вагон был плацкартный — в другие билетов не было — и кто-нибудь из пассажиров обязательно ходил по нему из конца в конец, или разговаривал, или пил, и хорошо еще, если не пел.

Глаша надела туфли, взяла из-под подушки сумочку и сама присоединилась к этим вечно бессонным пассажирам — направилась в тамбур.

Курила она мало, но зато плохо, то есть под тоску. А это залог того, что чем старше она будет становиться, тем больше будет курить и тем старше, соответственно, будет выглядеть. Замкнутый круг.

Как только она открыла дверь тамбура, поезд наконец тронулся. Тут уж не иллюзия была: вагон дернулся так, что Глаша ударилась лбом о дверной косяк. Мысль о том, что именно таким образом и развеиваются все ее иллюзии, она постаралась отогнать быстрее, чем эта мысль превратилась в слова. Зачем ей держать в голове очередную расхожую истину?

Она курила, смотрела на уплывающую платформу. И вдруг поняла, отчего ее тоска, отчего крутятся в голове пошлости, напоминающие никому не нужное подведение итогов, отчего не радуется приближе-

ние Испании и отчего все это накрыло ее именно здесь, на станции Дно.

Догадка эта была так очевидна, что и догадкой-то не могла считаться. Она ехала по этой же дороге, этим же поездом как раз в тот день, вернее, в ту ночь, когда так резко, так сильно переменялась ее жизнь.

Тогда Глаша была уверена, что переменялась к счастью. Теперь — не знала.

Глава 2

Провожая Глашу на учебу, мама была растеряна страшно. Глаша никогда в жизни ее такой не видела. Она бестолково складывала вещи во все сумки сразу, и многие из этих вещей были совершенно ненужными. Глаша пыталась возражать, но мама приходила от ее возражений в такое отчаяние, будто дочка не громоздкую электрическую кофеварку отказывается с собой взять, а зубную щетку.

— Ведь это твоя любимая кофеварка! — В маминном голосе звенели слезы. — Помнишь, папа тебе ее из командировки привез? И ты каждый день... каждое утро... Я в кухне вожусь и слышу, как ты у себя в комнатке кофе варишь, запах такой... Утро, ты дома, читаешь, занимаешься...

Тут мама начинала плакать, и Глаша, конечно, сразу бросалась ее утешать, уверяя, что кофеварку возьмет с собой непременно и будет вспоминать маму с папой и дом каждый раз, когда станет ва-

рить утром кофе, да она и так никого забывать не собирается, ну что ты, ма, ведь я не за тридевять земель еду, ведь я в Москву, ты вспомни, как мы все мечтали...

— Да. Да. — Глаша видела, что мама изо всех сил старается взять себя в руки. — Конечно, я счастлива. А все-таки ты меня только тогда поймешь, когда свою дочку из дому провожать станешь.

И мама снова принималась набивать сумки — теперь уже продуктами, потому что, Глашенька, ведь у нас тут хотя бы заказы дают на работе, а в Москве кто тебе даст заказ, а магазины пустые стоят, я же помню, как ужаснулась, когда мы с тобой на экзамены ездили...

Папа в сборах не участвовал: считал, что женщины лучше в этом понимают. Он должен был отвезти Глашу в Москву и помочь ей устроиться в общежитие, и это задание считал для себя самым правильным. А брать или не брать кофеварку, это Глашеньке самой лучше знать.

— Ты оставь ее, Маша, оставь, — примирительным тоном говорил он жене. — Что хочет, то пусть и берет.

В общем, день накануне отъезда был хлопотный, бестолковый и слезный, но Глаша была счастлива.

И как она могла не быть счастлива, когда вдруг, в какие-нибудь две недели, сбылись все ее мечты? Никто не верил, что это возможно, поступить в университет, то есть что для нее это возможно — без единого знакомства не только в МГУ, но и вообще в Москве. Никто не верил, но она поступила. И не

то что странно было бы, но просто невысказано, чтобы она теперь испытывала какие-либо чувства, кроме сплошного, кромешного счастья.

И когда псковский перрон отпустил ее наконец, словно вздохнув, когда стал набирать ход увозящий ее московский поезд, Глаша почувствовала такой восторг, что чуть не закричала во весь голос что-то громкое и бессмысленно радостное.

Спать она, конечно, не могла. Они с папой ехали в купейном вагоне — это он взял такие дорогие билеты, хотя, наверное, надо было побережь деньги на московское житье, — и соседи попались спокойные. Но ни удобства, ни тем более спокойствия Глаше сейчас совсем не хотелось.

Она весь вечер вертелась на своей нижней полке — папа несколько раз спрашивал сверху, почему она не спит, как будто это и так не понятно, — и наконец, дождавшись, пока его дыхание наверху станет ровным, надела тапки и выскользнула из купе.

Глаша впервые попробовала курить в девятом классе, а на выпускном вечере попробовала еще разок. Ни в первый раз, ни во второй ей это несколько не понравилось. Но сейчас хотелось сделать что-нибудь лихое, совсем себе не свойственное, и покурить — это было самое подходящее. Сигарет у нее, правда, не было, но неважно: в тамбурах всегда кто-нибудь курит — поделится с ней.

Лихая бесшабашность, охватившая Глашу еще на псковском перроне, позволяла ей теперь с легкостью делать то, что совсем еще недавно и в голову не пришло бы.

Лампочка в тамбуре почти перегорела — светила, но еле-еле, то и дело мигая. Мужчина, куривший у окна, показался Глаше каким-то опасным. Может, потому что слишком уж он был большой, заслонял окно плечами, а может, из-за такого вот нервного освещения. Тревожные отсветы плясали на его белой рубашке, казалось, что-то меняется в его облике каждую секунду, и непонятно было, что он такое. А вдруг бандит?

Впрочем, эту глупую мысль Глаша сразу отогнала. С чего вдруг бандит? Просто фильм недавно показывали, и там вот именно был бандит, который убил жену главного красавца-чекиста ножом в вагонном тамбуре.

— Извините, — смело сказала Глаша, — у вас не найдется сигареты?

Мужчина обернулся. Теперь отсветы плясали уже на его лице. Это было не тревожно, а красиво. Как на картине Рембрандта.

Глаша не зря любила живопись — она всегда замечала в жизни то, из чего получаются потом картины. И сейчас, глядя на лицо этого незнакомого мужчины, она видела то, что было главным в картинах Рембрандта. В «Ночном дозоре», может? Глаша не успела понять. Это было так неожиданно — ну кто ожидает увидеть рембрандтовский свет в вагонном тамбуре? — что она радостно улыбнулась.

— Сигарета найдется, — сказал этот рембрандтовский человек и протянул Глаше пачку.

— Спасибо.

— На здоровье, — усмехнулся он.

Глаша взяла сигарету, подумала, что надо было попросить еще и прикурить. Но он и без ее просьбы щелкнул зажигалкой. Глаша закурила и сразу закашлялась.

— Крепкие... — смущенно пробормотала она.

Ей стало неловко от того, что она закашлялась, как маленькая.

— Да, «Житан» крепковат, — сказал он. — Но других нет.

Глашу затошнило, и курить тут же расхотелось. Но как-то неловко было сразу же бросить сигарету, да еще, понятно, иностранную, дорогую. Она стала курить без затяжки, набирая дым в рот.

Он засмеялся.

— Что смешного? — вместе с дымом выдохнула Глаша.

— Вы курите, как птенец.

— Разве птенцы курят?

Ей стало смешно, и она тоже засмеялась.

— При взгляде на вас думаешь, что да. Вы из Пскова едете?

— Да.

— А как вас зовут?

— Глаша. Рыбакова.

Она назвала фамилию по школьной привычке. Он засмеялся снова.

— Глашенька Рыбакова! — сказал он. — Да еще из Пскова. Вы же прямо девочка из книжки!

Нетрудно было догадаться, что он именно так и подумает.

Глашина мама знала книги Каверина чуть не наизусть, потому и назвала ее в честь героини сво-

его любимого романа. Она сама рассказывала Глаше: когда выходила замуж за Сергея Рыбакова, ее будущего папу, то сразу решила, что дочка у нее непременно будет Глашенька. Рыбакова Глафира Сергеевна, в точности по роману.

Псков вообще был каверинский город — и сам он здесь жил в детстве, и Саня Григорьев из «Двух капитанов», и все герои его «Открытой книги», в том числе и Глашенька Рыбакова.

Мамина фантазия совсем Глаше не нравилась. Во-первых, потому что она не видела ни малейшего сходства между собой и Глашенькой Рыбаковой из книжки. Та была довольно подлая и очень-очень красивая, очень-очень неотразимая — мужчины из-за нее с ума сходили все подряд.

Глаша и ничего подлого вроде бы не делала, и красавицей ее назвать вряд ли кому-то в голову пришло бы. Она была самая обыкновенная, и даже то, что можно было считать в ней красивым — льняные волосы, например, — точно так же можно было считать и обыкновенным. То есть ее волосы претотлично назвались просто русыми. Как у многих.

А во-вторых, из-за книжного имени все то и дело напоминали ей, что она книжная девочка. Вот, пожалуйста — первый же встречный так ее и назвал!

— А меня зовут Лазарь, — сказал он.

Глаша даже про свою досаду позабыла.

— Какое имя необычное! — воскликнула она.

— Мамина фантазия. В память своего покойного отца назвала. Во Пскове я, по-моему, один с таким именем.

— У меня тоже — мамина фантазия, — улыбнулась Глаша.

Лазарь вынул из ее пальцев сигарету и выбросил в окошко.

— Вы же не курите, Глашенька, — сказал он.

Возражать Глаша не стала. Ей уже не хотелось сделать что-нибудь лихое, потому что лихости было достаточно в ее собеседнике. Об этом она догадалась сразу, и даже непонятно, почему — он ничего необычного ведь не делал. Но лихость, или не лихость только, а какая-то... лихая точность — да, именно так — чувствовалась даже в том, как он открыл и быстро захлопнул тугое тамбурное окно, когда выбрасывал ее сигарету. И его глаза — широко поставленные, что вообще-то, как известно, является признаком художественно одаренной натуры, — были никакие не художественные, а вот именно лихие.

— Не курю, — легко согласилась Глаша. С ним легко было соглашаться и вообще разговаривать. С ним просто было легко. — Но у меня такое необыкновенное настроение, что и сделать хочется что-нибудь необыкновенное. Не такое, как всегда.

— И почему же у вас такое необыкновенное настроение?

Видно, широкие глаза были ему придуманы природой не для того, чтобы писать картины, а для того, чтобы особым образом смотреть на человека, которого он слушает. Этими своими необычными глазами Лазарь смотрел на Глашу очень внимательно.

— Потому что я поступила в Московский университет! — радостно выпалила она.

— Ух ты, как!

Лазарь произнес это так же радостно, как она. Хотя что ему радоваться успехам постороннего человека?

Впрочем, удивилась Глаша этому не очень: ей казалось естественным, что весь мир насквозь сейчас радуется вместе с ней и ею восхищается. Ей хотелось расцеловать весь мир, и Лазаря тоже.

Правда, как только эта мысль пришла Глаше в голову, она тут же смутилась. Хороша бы она была, если бы бросилась целовать незнакомого человека! К тому же взрослого: по Глашиным прикидкам Лазарю было наверняка больше двадцати пяти — предельного возраста, который еще можно было считать молодым.

— Это событие надо отметить, — сказал он.

— А мы уже отметили, — радостно кивнула Глаша.

— Когда это? — удивился Лазарь.

— Сразу же, как только я поступила. Мама испекла пирог, и мы отпраздновали.

Тут Лазарь уже не улыбнулся и даже не рассмехался, а просто расхохотался.

— Глашенька! — утирая слезы, сказал он. — Тот пирог давно зачерствел! Сейчас, сейчас надо отметить это выдающееся событие.

— Но как же сейчас? — растерялась она. — Прямо здесь, в тамбуре?

— Зачем в тамбуре? В ресторане. В поезде есть вагон-ресторан.

— Я не знаю... — проговорила Глаша.

— Честное слово, есть. Можете мне поверить.

Ей стало смешно. Он смешил незаметно и необидно.

— Я знаю, что он есть, — улыбнулась Глаша. — Только как же мы в него пойдем? Я в халате и в тапках. И я же с папой еду... Вдруг он проснется и испугается — где я?

— Не будить же его специально, чтобы предупредить, — пожал плечами Лазарь. — Если обнаружит ваше отсутствие и пойдет вас искать, то сразу в ресторан и попадет. Это в соседнем вагоне.

«А что? — подумала Глаша. — Зря, что ли, мне чего-нибудь необыкновенного хотелось? Вот оно, необыкновенное!»

Посещение ресторана было делом безусловно необыкновенным, потому что Глаша никогда в ресторане не была. То есть была, но очень давно, она тогда в пятом классе училась. И, кажется, это был даже не ресторан, а кафе — они всей семьей ходили туда на поминки по маминому дяде. Ну и в кафе-мороженое она была, конечно, но это уж и вовсе не в счет.

— Почему бы и нет? — сказала Глаша. — Если вас не смущает мой вид — пойдемте.

Она была уверена, что произнесла это совершенно взрослым, небрежно-снисходительным тоном. Но Лазарь, видимо, так не думал — Глаше показалось, что при ее словах он еле сдержал улыбку.

Глава 3

Пока переходили из вагона в вагон по шаткому мостику над стучащими колесами, Глаша надеялась, что ресторан будет закрыт. Но он не только открыт оказался — в нем и людей сидело немало, несмотря на то что было два часа ночи.

В дальнем углу гуляла большая компания. Глаша посмотрела на нее с опаской: очень уж шумно гудели пьяные мужчины и очень уж громко хохотали не менее пьяные женщины.

— Не бойтесь, Глашенька, — сказал Лазарь; наверное, он заметил ее опасливый взгляд. — Сюда они не подойдут.

Он сказал это так спокойно, что ему нельзя было не поверить; Глаша и поверила. Только вот при ярком свете она почувствовала себя страшно неловко от того, что на ней халат и тапки. Ей показалось, что все смотрят на нее с насмешливым недоумением.

Она даже не стала разглядывать вагон-ресторан — поскорее уселась за стол и передвинулась к окошку. Так хоть тапки не будут заметны, а халат, может, сойдет за платье.

— Хотите поесть? — спросил Лазарь.

— Нет, что вы! — воскликнула Глаша. — Ведь ночь уже.

Вся эта затея наконец представилась ей в полной своей странности, чтобы не сказать — глупости. Она в вагоне-ресторане, ночью, среди пьяниц,

и, может, мужчина, с которым она так беспечно сюда явилась, тоже сейчас напьется...

— Тогда шампанского, — сказал Лазарь.

«Точно напьется! — с ужасом подумала Глаша. — Напьется, начнет рассказывать что-нибудь назойливое, не отпустит уйти... И что тогда делать?»

Папа пил совсем мало, только по праздникам, и то домашнюю наливку, которую мама делала из морошки, — так что Глаша видела пьяных только со стороны. И зрелище это казалось ей очень неприятным. Вполне вроде бы нормальные мужчины, вот как, например, сосед по двору Алексей Палыч, которого папа уважал как отличного столяра, настоящего мастера, или другой сосед, Коля-косой, тихий и робкий парень, — все они, да и другие, выпив, становились какими-то громогласными, именно что назойливыми, потом и вовсе злыми — лезли в драку без всякой причины, а то еще начинали ни с того ни с сего рыдать, колотить в стену кулаками или даже головой...

Представив, что все это может произойти сейчас с Лазарем — а почему бы и нет, ведь она понятия не имеет, что он такое! — представив это, Глаша испуганно притихла и, отвернувшись к окну, чуть не носом уткнулась в стекло. Как она ругала себя сейчас за свою дурацкую бесшабашность!

Но Лазарь не замечал Глашиного состояния, ведь он не мог читать ее мысли. Он разговаривал с подошедшим официантом. Прежде чем отвернуться, Глаша успела рассмотреть, что рубашка на